
Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-30-39

«ХЕГАКСКАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ КАНБУЛАТА ИДАРОВА: ВОЗМОЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Заурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2022

Аннотация. Вокняжение в Кабарде Идара Инармасова и его наследников – линия Идаровых, связано с рядом знаковых сюжетов истории Черкесии XVI в. Это Кызбурунское сражение, убийство князя-бастарда Андемиркана и последовавшая за этим длительная борьба за лидерство в Кабарде с потомками Беслана и Талостана Жанхотовых. Канбулат Идаров – один из самых активных акторов этой борьбы. Его имя хорошо известно и русским архивным источникам, и черкесской устной традиции. С 1577 г. он стал великим князем-*пцыххуэ* Кабарды и продолжил политику старшего брата Кемиргоко Идарова на союз с Московским царством. В устной традиции Канбулат Идаров известен как один из главных организаторов убийства Андемиркана. Его имя упоминается практически во всех прозаических вариантах предания и поэтических текстах Андемиркановского цикла. В западночеркесских вариантах историко-героической песни, посвященной жизни и смерти Андемиркана, Канбулат Идаров маркируется как «*хегакский*» князь. Исторический контекст сюжета о водворении семейства князя-изгоя Идара Инармасова в Кабарду и предания о гибели Андемикана, позволяет интерпретировать «*хегакскую*» идентичность Канбулата как рудимент социального происхождения клана Идаровых, а также по-новому взглянуть на генезис локальной этнической группы *хегак*ов в политической и удельной системе феодальной Черкесии.

Ключевые слова: Черкесия, Кабарда, хегаки, удельная система, князь-изгой, Канбулат Идаров, Андемиркан

Для цитирования: Кожев З.А. «Хегакская» идентичность Канбулата Идарова: возможные интерпретации // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 30–39. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-30-39

Original article

«KHEGAK» IDENTITY OF KANBULAT IDAROV: POSSIBLE INTERPRETATIONS

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2022

Abstract. The accession in Kabarda of Idar Inarmasov and his heirs, the lineage of the Idarovs, is associated with several significant plots in the history of Circassia in the XVI-th

century. These are the battle of Kyzburun, the murder of the bastard prince Andemirkan, and the subsequent long struggle for leadership in Kabarda with the descendants of Beslan and Talostan Zhankhotovs. Kanbulat Idarov is one of the most active actors in this struggle. His name is well known both to Russian archival sources and to the Circassian oral tradition. From 1577, he became the Grand Prince-pschyshkhue of Kabarda and continued the policy of his elder brother Kemirgoko Idarov for an alliance with the Muscovite kingdom. In the oral tradition, Kanbulat Idarov is known as one of the main organizers of the murder of Andemirkan. His name is mentioned in almost all prose versions of the legend and poetic texts of the Andemirkanov cycle. In the western-circassian versions of the historical-heroic song dedicated to the life and death of Andemirkan, Kanbulat Idarov is marked as a «Khegak» prince. The historical context of the plot about the resettlement of the family of the outcast prince Idar Inarmasov in Kabarda and the legend about the death of Andemirkan allows us to interpret the «Khegak» identity of Kanbulat as a vestige of the social origin of the Idarov clan, as well as take a fresh look at the genesis of the local ethnic group of Khegaks in political and specific system of feudal Circassia.

Keywords. Circassia, Kabarda, Khegak, specific system, outcast prince, Kanbulat Idarov, Andemirkan

For citation: Kozhev Z.A. «Khegak» identity of Kanbulat Idarov: possible interpretations. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 30–39. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-30-39

В политической истории Черкесии XVI–XVII вв. клан князей-Иналидов Идаровых занимает особое место. Личные качества, честолюбие и амбициозность выдвинули многих его представителей в первые ряды исторических деятелей не только Кабарды, но и Московского царства, в котором они оказались на службе поздних Рюриковичей и первых Романовых [КРО 1957: 383–385; Дзамихов 2001: 81–125; Дзамихов 2007: 34–36, 38–42]. Одним из таких исторических деятелей является представитель первого поколения Идаровых – Кан(м)булат. После смерти своих старших братьев – Кемиргоко и Биту, он много лет возглавлял разросшийся клан Идаровых и даже был избран великим князем – *пчышхуэ* Кабардинского княжества [КРО 1957: 384–385; Кожев 2006: 232–233; Налоева 2015b: 1–3]. Канбулат Идаров был великим князем более десяти лет – в 1577–1589 гг. В конце 1577 г. во главе кабардинского посольства он прибыл в Москву и от лица всей фамилии («детей и племянников») просил о возобновлении Терской крепости в устье Сунжи, а также присылке русских войск, оснащенных огнестрельным оружием [КРО: 34–35; Кожев 2006: 232–233]. Этот беспрецедентный случай, когда *пчышхуэ* Кабарды был вынужден лично возглавить и осуществить посольскую миссию, ярко иллюстрирует в каком сложном внутривнутриполитическом положении находились Идаровы после смерти своего знаменитого лидера, старшего из братьев – Кемиргоко (Темрюка). В годы правления Канбулата Идарова политический союз Идаровых с правителями Московского царства получил дальнейшее развитие и был оформлен рядом шертных грамот с обозначением взаимных обязательств сторон [КРО: 47, 49–54, 388, 399; Дзамихов 2001: 94–98; Дзамихов 2007: 34–36, 38–42].

По данным русских архивных источников, Канбулат Идаров умер в июне 1589 г., и с его смертью начался период обострения внутривнутриполитической борьбы за титул *пчышхуэ* между сильнейшими княжескими фамилиями Иналидов Кабарды [КРО: 56–57, 62–64, 384, 400–401; Кожев 2006: 235]. Личность Канбулата Идарова, который на протяжении многих десятилетий был активным участником политической борьбы в Кабарде, интересна сама по себе, заслуживает специального исследовательского внимания и неоднократно привлекала интерес отечественных историографов [Дзамихов 2001: 94–98; Дзамихов 2007: 34–36; Карданов 2001: 104–105; Кожев 2006: 232–235 и др.]. Объективным ограничителем в изучении его роли в истории Кабарды XVI в. является незначительное количество письменных источников. Но Канбулат Идаров является одним из наиболее упоминаемых персонажей черкесского фольклора. В устной эпической традиции Канбулат

Идаров претендует на сомнительную честь главного злодея и антигероя. В прозаических и поэтических текстах цикла сказаний об Андемиркане – князе-бастарде (*пицы-тумэ*), идеальном рыцаре черкесского средневековья, Канбулат Идаров единодушно признается одним из организаторов его убийства [Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969: 223–336; Народные песни 1986: 83–88; Фольклор адыгов 1988: 150–167; КъэрдэнгуыцІ 2009: 273–280; Налоева 2015а: 125–135].

Наиболее вероятной датировке этого события и той роли, которую сыграли в нем князья Идаровы – братья Канбулат, Биту и Кидиршоко, посвящены две наши небольшие статьи [Кожев 2020b; Кожев 2021]. Наиболее вероятная датировка гибели Андемиркана, которую можно реконструировать по данным черкесского фольклора и косвенным данным письменных источников – самое начало 40-х годов XVI в. [Кожев 2020b]. Участие Канбулата Идарова и его братьев Биту и Кидиршоко в организации предательского убийства Андемиркана несомненна и подтверждается всем комплексом преданий Андемиркановского цикла – абсолютным большинством прозаических и поэтических текстов [Фольклор адыгов 1988: 150–167; Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969: 223–336; Народные песни 1986: 83–88; КъэрдэнгуыцІ 2009: 273–280; Налоева 2015а: 125–135]. В различных версиях песни (*уэрэд*) об Андемиркане – одной из наиболее ранних в жанре историко-героических, Канбулат неизменно выступает как предатель своего друга и соприсяжного (как вариант – молочного) брата [Фольклор адыгов 1988: 150–167; Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969: 223–336]. Согласно преданию об убийстве Андемиркана, он полностью доверял Канбулату Идарову, с которым находился в соприсяжном братстве: «Айдемиркан преломил с ним стрелу в вечной верности и преданности друг другу» [Фольклор адыгов 1988: 159]. Но Канбулат, войдя в сговор с другими кабардинскими князьями, взялся обманом обезоружить своего присяжного брата, разлучить его с боевым конем и вывести на засаду: «Канбулат предложил Айдемиркану, чтобы рассеяться, проехать немного по степи и поохотиться на зайцев, лисиц и т.п., дал ему взамен Жаманшарыка, которого посоветовал оставить, чтобы даром не мучить, – другого коня, простенького, предложил ему также другой, свой меч, говоря, что его, Айдемиркана, слишком хорош, и было бы жаль, если бы где-нибудь он сломал бы его, и, наконец, его самого, одетого по домашнему, в шубу длинную и сапоги и ничего не подозревавшего, привез в окоп, где засели собравшиеся его враги» [Фольклор адыгов 1988: 160].

Лучшие варианты поэтических текстов (*уэрэд*), сохранившиеся в фольклорных записях XIX–XX вв. содержат лапидарное, но вполне информативное описание гибели Андемиркана:

Къэбэрдейм япшо пшы гуцэу Къаниболэтыр си шэуэгъут,
 Ныбжьэгъум и тхьэр Къэниболэтым кыреуэ
 ТхьэкІэ сегъапцІэри щыым и пцІэнэпІэм сырешэ,
 Сыкыдешэри жылэшхуэ пэкІум сарет,
 Сыкызытам и псэу гъуэгъуншэ ирехъу!
 Пшышхуэ зыхуэхъур алащэ шууэ хахутэщ,
 Пшы хутыкъуар пхъэупцІэгъэбэм рагъэз,
 Шэрэдж и мэзу ХыгукІэ зэвым лыр дашэщ,
 Джатэр и башу Къэдырщокъуэпшыр кынос,
 Битур къэсри жамборей-мэсыр ІэщІыдзэщ,
 ЗыкыридзэкІыри Битум и жьакІэр пигъэщщ,
 «Сыпшыгъупщэн», – жегІэри, и Іэхъуамбищ дегъакІуэ,
 «УзэхэзекІуэщ» – жегІэри, нэкІум дамыгъэр тыредзэ,
 ЗафІездэкІынт – Жэманшэрыкыыр Іэгъуэджэщ,
 Садэджэгунт – урыс алашэм сытесщ.
 Я нэхъыщауэм хъэщхъуригуэцІэр кыпфІащ,

Бжы-мэІур ящІ, бжэлІэнкІэ пІауэр пыщІадз,
Джэтэрыхахуэм джэтэбгъуэ зауэр тыращІэ,
Джэтэрыхахуэт, Андемыркъаныр дагъащІэш.

Из князей Кабарды Канбулат князь был моим другом доверенным,
Пусть Бог дружбы Канбулата проклянет [досл. «ударит»],
Клятвопреступлением [досл. «обманом Бога»] приводит меня в голую землю,
Приводит меня и отдает большому сборищу,
Отдавшему меня пусть жизнь будет беспросветной [досл. «не имеющей до-
роги»],

Князя великого застигли на негодном мерине,
Впросак попавшего князя загнали в западню [досл. «завал из деревьев»],
В Черекский лес, тесную долину Хеу завели достойного мужа,
Кому меч как палка Кидиршоко князь явился,
Биту явился и мечет свой жамбореймас [видимо вид метательного оружия –
З.К.],

Развернулся [Андемиркан] и Биту бороду отсек,
«Не забудешь меня?» – говорит и три пальца [ему] отсекает,
«Любишь на людях появляться [досл. «ходить/ездить»]» – говорит и лицо ему
метит [досл. «ставит тавро»],

Ушел бы от них, да нет Жаманшарыка,
Поиграл бы с ними, да сижу на негодном [досл. «русском»] мерине.
Молокососы, бешеным псом тебя нарекают,
Копья щиты приготовив, забрасывают копьями,
Безупречного во владении мечом широкими мечами избивают,
Безупречно владеющий мечом Андемиркан погибает (перевод наш – З.К.)
[Фольклор адыгов 1988: 161–167].

В кабардинских вариантах поэтических текстов и прозаических преданий о гибели Андемиркана Канбулат Идаров либо маркируется как кабардинский князь, либо совсем не идентифицируется с какой-либо локальной этносоциальной группой черкесов [Адыгэ ІуэрыІуатэхэр 1969: 223–336; Народные песни 1986: 83–88; КъэрдэнгъуцІ 2009: 273–280; Налоева 2015а: 125–135]. Но в кяхской (западноадыгской) традиции, в песне об Андемиркане («Айдэмыркъан иорэд») предатель, обезоруживший и выдавший убийцам своего побратима, совершенно неожиданно идентифицируется как *хегакский* князь:

О ХагъакІымэ япщэуи, ора Къамболэты гущэри ныбджэгъуи,
Ныбджэгъум итхьэкІэ пщы Къамболэтыми сегъапцІи.

Хегакский князь Камболат друг [мой],
[Поклявшись] Божеством дружбы князь Камболат меня предал (перевод наш – З.К.)
[Ижырэ адыгэ 2019: 165].

Вплетение в канву сюжета об убийстве Андемиркана еще одного Канбулата/Камболата с идентичной ролью предателя исключено. Но и *хегакская* (*хэгъакІэ*) идентичность Канбулата Идарова не может быть случайностью или произвольной трактовкой кяхских (западноадыгских) сказителей. Ранняя история рода Идаровых неразрывно связана с Западной Черкесией. Фольклорная традиция в передаче Ш.Б. Ногмова, с небольшими искажениями и анахронизмами, устранить которые помогают письменные источники и поздние генеалогии Иналидов Кабарды, сохранила сюжет о водворении Идара Инармасова в Кабардинском княжестве и сведения о первом поколении многочисленной патронимии Идаровых [Ногмов 1994:

101–107, 121–125; Кожев 2020а: 54–89]. Родоначальник Идаровых по преданию, даже родился в Бжедугии, у своих родственников по матери, уже после смерти отца [Ногмов 1994: 101]. Вся его жизнь до достижения зрелого возраста прошла на западе Черкесии, и только внутривполитический кризис в Кабарде позволил ему предъявить свои наследственные права и при поддержке коалиции западночеркесских Иналидов, а также своих бжедугских родственников, вернуться в княжество в конце 30-х годов XVI в. [Кожев 2020а: 54–67]. *Хегаки* упоминаются в предании как один из адыгских субэтносов, принявших активное участие в общечеркесской феодальной войне за восстановление наследственных владельческих прав Идара Инармасова в Кабарде [Ногмов 1994: 103]. Но один этот факт не мог радикально повлиять на утверждение *хегакской* идентичности Идаровых в ущерб явно кабардинского происхождения отца (потомство Табулы/Табулду) и бжедугского – матери (род Химишевых) [КРО 1957: 383–385; Ногмов 1994: 101–107].

О *хегаках* в российской историографии сохранилось не так много сведений, так как к началу XIX в. они едва сохраняли свою самобытность. Но первые черкесские историографы Ш.Б. Ногмов и Хан-Гирей хорошо их знают. Ш.Б. Ногмов считает Хегак одним из старейших владений Черкесии, известным со времени первого поколения потомков Инала: «Должно полагать, что разноутробие Иналовых детей было причиной их раздоров. После долгих беспокойств они разделились на три части: *один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду* (курсив наш – З.К.). От этих-то сыновей Инала производят свое родоначалие нынешние кабардинские, кемиргоевские и бесленеевские князья» [Ногмов 1994: 96]. По контексту фразы создается впечатление, что Хегак был коренным владением Инала. Но Ш.Б. Ногмов тут же ниже по тексту приводит предание о разделении древнего Кемиргоевского владения на три крупнейших княжества Западной Черкесии позднего средневековья и раннего нового времени – Кемиргой, Жаней и Хатукай: «В давние времена из потомков адыгейских князей в Кемиргоевском владении княжили три брата. Их звали Болотоко, Занн и Хотоккой. Долго они жили вместе, но, наконец, младшие пожелали отделиться от старшего брата...» [Ногмов 1994: 96]. Хегак не упоминается в этом предании как часть домена Иналидов в Западной Черкесии, а кроме того, косвенным образом подтверждается Иналидское происхождение жанеевских князей [Ногмов 1994: 96–97].

В своем энциклопедическом описании Черкесии Хан-Гирей в числе других адыгских владений и локальных групп кратко описывает «*колено хеххадчьское*». Сведения Хан-Гирея содержат ряд важных деталей, которые выделяют *хегаков* из общего ряда этносоциальных единиц Княжеской Черкесии: «*Колено это обитало на южных окрестностях устья реки Кубани, частью и на полуострове Тамане. Три княжеских рода: Бхгезенекко-р, Занекко-р и Шамекк-р этим коленом владели. Последний член первого из этих княжеских родов Сефербей был взят пленным при покорении крепости Анапы. Этот род почитался отраслью княжеского рода, владеющего гатикоайским коленом, почему полагают, что и хеххадцьцы соположенники ххатиккоайцам* (т.е. хатукайцам, – З.К.), *но должно думать, однако ж, что не все они произошли от ххатиккоайцев, а только часть их: ибо второй княжеский род, который ныне не существует, происходил от князей жанинского поколения* (курсив наш – З.К.). Третий род прекратился со смертью князя *Бечмрза*, умершего назад тому несколько лет на полуострове Тамане (в Черноморском казачьем войске) ... Со времени появления магометанских народов: татар, а потом и турков в Тавриде и на полуострове Тамане, хехгатцы находились с ними всегда в тесных сношениях и были, так сказать, как бы сроднившись с ними: язык, обычаи, образ жизни, даже облик, судя по физиономиям остатков этого поколения, смешались с татарскими ... Также многие из них имели жительства в крепости или городе *Хун-Кох*, или нынешняя Тамань, почему они назывались впоследствии

хунколами, обитая большею частью в Анапе, а иногда в окрестностях ее, вместе с остатками других хехгадцев, некоторое время составлявших особенное колено на р. Бугуре и на ручьях, в нее впадающих, также и на полуострове Деметее, образуемом Кубанским лиманом у устья сей реки. Эти остатки впоследствии совершенно рассеялись, так что ныне в самобытном виде не существует уже колено *хехгадць* между черкесами. Одна деревня, принадлежавшая упомянутому князю *Бечмырзе Шамова* дома и ныне находящаяся на полуострове Тамане, достойна замечания нашего. Эта деревня, уцелевшая от всего хехгадцкого поколения, называется и теперь от татар *Ада* и есть остаток той части хехгадцев, которая в древнейшие времена называлась татарами и турками *адалы*, каковое частное название, относящееся лишь до части этого поколения (курсив наш – З.К.), подало повод производить общее некоторым писателям наименование черкес – *адхге*, от первоначального жительства этого народа на острове Тамане. Эта деревня единственный остаток поколения хехгадць, составляющая нечто целое, называется в настоящее время, как и прежде татарами *Ада*, а черкесами *Хтук*, каковые названия, означающие: островитянин или просто остров, даны им по причине их жительства на острове, потому и собственное наименование хехгадцьского племени постепенно изглаживается из памяти черкесов» [Султан Хан-Гирей 2009: 165–166].

Описание Хан-Гирея гораздо более информативно, но не совпадает в некоторых деталях с более ранними письменными источниками. Например, Эвлия Челеби, посетивший Черкесию в 60-х годах XVII в. четко отделяет таманских и темрюкских черкесов от, собственно, *хегаков* [Эвлия Челеби 1979: 42–63]. По его сведениям, на Тамани расположены «80 черкесских деревень», а в пригородах Тамани, Темрюка и других османских городков в низовьях Кубани черкесы живут смешано с мусульманами [Эвлия Челеби 1979: 42, 44–52]. Эвлия Челеби описывает таманских черкесов как богатую общину и упоминает имена их природных князей («беев»), которые получали жалованье от османского правительства за счет местных налогов: «Это до такой степени богатая земля, что если один человек с десятью лошадьми проживет в доме десять дней, то население радуется. Эти богатые черкесы – веселые, дружелюбные и склонные к шутке – заслужили имя «богачи». Татар на этом острове (т.е. Тамани – З.К.) нет совершенно, они не могут здесь жить, так как в смысле управления Кафинский эйялет считается анатолийской землей (т.е. османским владением – З.К.)» [Эвлия Челеби 1979: 49, 51]. В отличие от таманских и темрюкских черкесов, *хегаки* в описании Эвлии Челеби – это первое собственно черкесское этнополитическое образование – «Кабак племени шегаке в начальных пределах Черкестана» [Эвлия Челеби 1979: 52]. Политический статус *хегаков* во времена путешествия Эвлии Челеби, совершенно иной. *Хегаки* характеризуются автором как «народ ... непокорный», находящийся в союзе с соседними ногайцами «племени чобан» [Эвлия Челеби 1979: 52–63]. Территория *хегаков* охватывала небольшой ареал вокруг Анапы, от побережья Черного моря до левого берега Кубани [Эвлия Челеби 1979: 52–53, 55–58]. Управлял ими «бей шегаке, Энджирук-бей», мобилизационный ресурс *хегаков* Эвлия Челеби оценивал в три тысячи конных и пеших воинов, а их общую численность в десять тысяч человек [Эвлия Челеби 1979: 56].

Более поздние данные, например «Описание Черкесии» составленное Ксаверио Главани в 1724 г., также выделяет Хегак как небольшой, но самостоятельный округ или бейлик Черкесии с населением в 500 жилищ [АБКИЕА 1974: 158]. Последняя цифра условна и важна лишь для сопоставления с демографическим потенциалом более крупных черкесских княжеств – Кемиргой («2000 жилищ»), Большая Кабарда («около 3000 жилищ»), Бжедугия («1000 жилищ») и т.д. [АБКИЕА 1974: 158].

Проблема этнодемографической динамики на крайнем западе Княжеской Черкесии в XVIII – первой пол. XIX в. был подробно рассмотрен Н.Г. Волковой в ее

монографии «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века» [Волкова 1974: 16–21]. Анализируя письменные источники, архивные данные, свидетельства Хан-Гирея, она пришла к интересному выводу: «Вполне допустимо, ... что под именем хегаков скрывалась часть жанеевцев, видимо тех, которые населяли прибрежные районы Черкесии. Позднее, во второй половине XVIII – начале XIX в., эти же группы были известны как натухайцы и шапсуги» [Волкова 1974: 21]. Вывод Н.Г. Волковой подтверждает свидетельство Хан-Гирея о гетерогенности *хегаков*, в период, когда они сохраняли свою самобытность и еще не были поглощены демографическим ростом натухайцев и шапсугов на рубеже XVIII–XIX вв. *Хегаки* и управлялись к тому же княжескими домами, имевшими пусть и единое Иналидское происхождение, но относившимися к разным владетельным линиям – хатукаевской и жанеевской. Происхождение княжеской фамилии *Шамекк-р – Шамовых* (по-видимому *Щамокъуз*, досл. «сирийский сын, потомок» – З.К.) неясно. Но вывод Н.Г. Волковой констатируя факт, не объясняет его – почему часть жанеевских, хатукаевских, а в случае с Канбулатом Идаровым и кабардинских Иналидов по временам идентифицировались как *хегаки*. Очевидно, что определяющим тут был не этногенетический, а социальный фактор. *Хегаки* в исторической ретроспективе явно выступают в качестве маргинальной локальной группы, объединенной одним определяющим принципом, игнорирующим субэтническое происхождение входящих в него компонентов. На наш взгляд, определение этого принципа, а также непротиворечивую интерпретацию *хегакской* идентичности Канбулата Идарова можно предложить лишь сопоставив фамильную историю Идаровых с порядком функционирования института высшей политической власти в Княжеской Черкесии. Специфика власти великого князя-*тцышхуэ* в Кабарде и других крупных черкесских княжествах по аналогии с Древнерусским государством Рюриковичей XI–XII вв. и Франкским королевством VI–IX вв. предполагала «непременное соучастие всех братьев в управлении королевством по смерти отца, что выражалось в территориальных разделах между ними, создании королевств-уделов (Teilreiche) при сохранении государственного единства как потенции и идеальной нормы» [Кажаров 1994: 214–215]. Реальная жизнь всегда сложнее идеальной нормы. Так, очевидно, Инармас Табулов умер, не успев стать полноправным удельным владельцем, иначе его вдове незачем было покидать Кабарду и прибегать к покровительству своего отца. Идар Инармасов, родившийся в Бжедугии, таким образом становился князем без удела. Ш.Б. Ногмов, воспроизводя устные предания, дает весьма комплиментарное описание Идара Инармасова: «За его хороший характер и отличные способности дед его Хамишев Бжедугский, князь Эльжеруко и весь адыгейский народ, несмотря на юные лета, страстно его любили и питали к нему особое уважение» [Ногмов 1994: 101]. Но несмотря на это Идар не мог претендовать на наследство в Бжедугии или где бы то ни было в Западной Черкесии – это противоречило феодальному праву и принципу наследования исключительно по мужской линии. По своему социальному статусу Идар Инармасов фактически идентичен древнерусским князьям-изгоям, т.е. осиротевшим Рюриковичам, которые до смерти отца или другого старшего родственника не успевали получить удел и, таким образом, исключались из лестничного ряда. Судьба князя-изгоя была незавидна и толкала их на вооруженную борьбу за обретение полноценного статуса в рамках родового принципа наследования. Идару Инармасову в результате общечеркесской феодальной войны, завершившейся Кызбурунским сражением, удалось восстановить право на удел в Кабарде, но память о его изгойстве сохранилась в устной традиции до первой половины XIX в. [Ногмов 1994: 101–105; Кожев 2020а: 54–67]. Нам представляется, что «*хегакская*» идентичность Канбулата Идарова, зафиксированная в кяхских (западночеркесских) вариантах песни об Андемиркане является одной из форм этой памяти, сохранившей рудиментарно социальную семантику субэтнического термина

хегак (*хэгъакIэ*). Этимология данного термина достаточно прозрачна – *хэгъакIэ* (досл. «исключенный»), семантически сближается с древнерусским «*изгой*», демонстрируя поразительные сближения в системах функционирования родового принципа наследования в Княжеской Черкесии Иналидов и Древнерусском государстве Рюриковичей (лествичное право) даже в части обозначения случаев исключения представителей тех или иных линий правящей династии из него.

Таким образом, термин *хегак* (*хэгъакIэ*) следует рассматривать как социальное обозначение тех Иналидов, а возможно и династов иного происхождения, как в случае с родом Шамовых, которые в силу обстоятельств исключались из системы наследования по родовому принципу в рамках крупных феодальных княжеств Черкесии. Окруженные лишь небольшим числом своих личных подданных, друзей и клиентов они вытеснялись на географическую и политическую периферию Княжеской Черкесии Иналидов, где смешивались с теми локальными группами адыгов, которые уже были включены в общественно-политическую систему соседних государств. Именно поэтому Хан-Гирей и некоторые другие авторы допускали такие не вполне корректные сближения в идентификации *хегаков* с таманскими и темрюкскими черкесами (*ада*, *адалы*, *хтук* (*хытIыгу*) и др.) Кафинского вилайета Османской империи.

Канбулат Идаров и его братья в момент организации убийства Андемиркана уже успели обрести полноценный статус князей-*пцы* Кабарды. Судя по тому, что их отец, как и старший брат Кемиргоко, не упоминается в сказаниях и поэтических текстах Андемиркановского цикла, Идара Инармасова в это время уже не было в живых. Но возможно определенный комплекс в связи с недавним обретением Идаровыми полноценного политического статуса был одним из тайных мотивов в убийстве *пцы-тумэ* Андемиркана, абсолютно затмевавшего своей славой «чистокровных» князей-Иналидов. Поразительно, что «хегакская» идентичность Канбулата Идарова, как рудиментарная память о социальном статусе и происхождении всего клана Идаровых, сохранилась лишь в кяхских (западноадыгских) вариантах устных преданий об Андемиркане.

Список источников

АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVI–XIX вв.* / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.

Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.

Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эльфа, 2001. 410 с.

Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2007. 326 с.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эльфа, 1994. 440 с.

Карданов 2001 – *Карданов Ч.Э.* Путь к России. Нальчик: Эльбрус, 2001. 432 с.

Кожев 2006 – *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с начала XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 168–203.

Кожев 2020а – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020. 144 с.

Кожев 2020б – *Кожев З.А.* Гибель Андемиркана: проблема датировки // Научные известия. Нальчик, 2020. № 21. С. 12–17.

Кожев 2021 – *Кожев З.А.* Роль Идаровых в убийстве Андемиркана по данным черкесского фольклора // Научные известия. Нальчик, 2021. № 25. С. 36–41.

КРО 1957 – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.*: Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.

Налоева 2015а – *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории // сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 371 с.

Налоева 2015б – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 371 с. (Приложение)

Народные песни 1986 – *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. Т. 3. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.

Фольклор адыгов 1988 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века*. Кн. 2. Нальчик: Эльбрус, 1988. 272 с.

Челеби 1979 – *Челеби Эвлия*. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 288 с.

Адыгэ Гуэрыуатэхэр 1969 – *Адыгэ Гуэрыуатэхэр*. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1969. 412 с.

Ижъырэ адыгэ 2019 – *Ижъырэ адыгэ ордэхэр*. Мыекъуапэ: ООО «Полиграф-Юг», 2019. 288 с.

КъэрдэнгъуцI 2009 – *КъэрдэнгъуцI 3*. Тхыгъэ къыхэхэхэр. Налшык: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. 756 с.

References

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, balkarians and karachais in the news of european authors of the XIII–XIX centuries] / compilation, editing of translations, introduction and introductory articles to the texts of V.K. Gardanov]. Nalchik: Elbrus, 1974. 636 p. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII-nachale XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th and early 20th centuries]. М.: Nauka, 1974. 276 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adygi in the politics of Russia in the Caucasus]. Nalchik: El'-Fa, 2001. 410 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoi istorii Kavkaza XVI–XVII vv.* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus of the 16th – 17th centuries]. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 2007. 326 p. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Traditional social institutions of the Kabardians and their crisis at the end of the 18th – first half of the 19th century]. Nalchik: El'-fa. 1994. 440 p. (In Russian)

KARDANOV Ch.E. *Put' k Rossii* [The Way to Russia]. Nal'chik: El'brus, 2001. 432 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Politicheskaya istoriya Cherkessii (s nachala XV v. do 1763 g.)* [Political history of Chircassia (from the beginning of the XVth century to 1763)]. IN: *Adygskaya, (cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (chirkassian) encyclopedia]. Moscow: Fund, named after B.H. Akbashev, 2006. P. 168–203. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Chircassia in the XV–XVII centuries]. Nalchik: Print Center, 2020. 144 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Gibel' Andemirkna: problema datirovki* [The Demise of Andemirkn: The Problem of Dating] // *Nauchnye izvestiya*. Nal'chik, 2020. № 21. P. 12–17. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Rol' Idarovykh v ubiistve Andemirkana po dannym cherkesskogo fol'klora* [Idarovs' role in the murder of Andemirkan according to Circassian folklore] // *Nauchnye izvestiya*. Nal'chik, 2021. № 25. P. 36–41. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries]: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I. Moscow: Publishing house of the AS USSR, 1957. 478 p. (In Russian)

NALOEVA E.D. Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiума i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii / Sost. A.S. Mirzoev [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socio-economic history. Compiled by A.S. Mirzoev]. Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. 371 p. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: NALOEVA E.D. Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiума i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii / Sost. A.S. Mirzoev [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socio-economic history. Compiled by A.S. Mirzoev]. Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. 371 p. (Prilozhenie) (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk Songs and Instrumental Rants of the Adygs]. Vol. 3. Part. 1. M.: Sovetskii kompozitor, 1986. 264 p. (In Russian)

NOGMOV SH.B. Istoriya adykheiskogo naroda [The history of the adyghe people]. Nalchik: Elbrus, 1994. 232 p. (In Russian)

SULTAN HAN-GIREY. Izbrannye trudy i dokumenty [Selected works and documents]. Maykop: Poligraf-Yug, 2009. 672 p. (In Russian)

CHELEBI EVLIYA. Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region]. Issue 2. Moscow: Science, 1979. 288 p. (In Russian)

Fol'klor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – nachala XX veka [Folklore of the Adygs in records and publications of the 19th – early 20th centuries]. Book. 2. Nal'chik: El'brus, 1988. 272 p. (In Russian)

Adyge Iueryluatekher [Adyghe folklore]. Vol. II. Nalshyk: El'brus, 1969. 412 p. (In Circassian)

Izh'yre adyge oredkher [Old Adyghe Songs]. Myek'uape: OOO «Poligraf-YuG», 2019. 288 p. (In Circassian)

KARDANGUSHCH Z. Tkhyg'e k'ykhekhakher [Selected Works]. Nalshyk: Izdatel'stvo. M. i V. Kotlyarovykh, 2009. 756 p. (In Circassian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.